

ИГОРЬ СУДОРГИН

ДОЖДЬ

16+

Игорь Вячеславович Судоргин

Дождь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44518370

SelfPub; 2019

Аннотация

История девушки по имени Адель, жившей в маленьком городке средневековой Европы.

Время близилось к полудню. Конечно, Адель не могла знать сколько сейчас времени – у неё не было часов, да и вообще, в те времена часов не было вовсе. Просто к полудню солнце как раз занимало место напротив помещения, в котором она находилась долгими днями и ночами, и начинало светить на стену через небольшое зарешечённое окошко под потолком. Изю дня в день яркий солнечный зайчик медленно полз по стене, постепенно уменьшаясь и уменьшаясь, пока совсем не исчезал где-то в углу маленькой комнаты, и от этого становилось ещё тоскливее. Но за долгие дни и ночи, проведённые здесь, девушка научилась понимать всё, что происходило на каменных плитах площади, так же хорошо, как будто смотрела в большое окошко, сидя в удобном мягком кресле, которое находилось в большой светлой комнате. Но на самом деле вместо большой комнаты была маленькая тюремная камера, вместо широкого окна с красивыми шторами – крошечное окошко с решеткой под потолком, которое было так высоко, что в него невозможно было заглянуть, вместо широкой мягкой постели – узкая каменная лежанка с тонкой рваной подстилкой, и небольшой стол с табуретом. Адель ничего не видела, что происходило снаружи, зато всё слышала до мельчайших подробностей. Этот большой двор был каменным мешком, со всех сторон окруженным такими же каменными зданиями, и поэтому любой звук был прекрасно слышан во всех уголках этой площади. Адель присе-

ла на каменный лежак, изо всех сил вцепившись руками в камень, и напряжённо вслушивалась в каждый звук, доносящийся снаружи. Вот прекратилось шуршание, говорящее о том, что рабочие закончили подметать каменные плиты двора, и недолгая тишина начала постепенно заполняться людскими голосами, сначала немногочисленными, но вот их становится всё больше и больше, что говорит о том, что площадь стала медленно заполняться горожанами, которые постепенно прибывали на площадь со всех концов маленького города на юге Франции с жёнами, с детьми, чтобы посмотреть на увлекательное зрелище, которое ждёт народ сегодня здесь, на площади, и хотя это зрелище они видели уже много раз, но их снова и снова тянула сюда какая-то неведомая сила, и они приходили на эту площадь, в любую погоду, снова и снова... Голоса становились всё громче и громче, пока не превратились в равномерный гул, который продолжался около получаса, и сквозь него больше не было слышно никаких других звуков. Было очень похоже на многолюдный базар в воскресный день, когда народ ходит не спеша по торговым рядам, весело переговариваясь друг с другом, радостно хохоча и издавая время от времени истошные крики по разному поводу, который всегда найдётся там, где много народу. Но это был не базар. Внезапно, как по мановению волшебной палочки, шум мгновенно стих, и наступила полнейшая тишина, не прерываемая ни одним, даже самым маленьким шумом, и в этой гробовой тишине раздались четкие яс-

ные неторопливые шаги. Так идёт только человек, который никуда не спешит, или же наделён большим авторитетом и властью. Внезапно звук шагов переменялся, из чего можно было заключить, что человек, пройдя по каменным плитам площади, стал подниматься на какое-то деревянное возвышение. Ну вот шаги стихли, и через несколько мгновений в этой гробовой тишине раздался монотонный, но чёткий и ясный голос человека, который начал читать проповедь. Речь его была негромкой и неторопливой, но в этой зловещей гробовой тишине Адель отчётливо разбирала каждое слово, сказанное проповедником. Она уже много раз слышала эти проповеди, и хотя они немного отличались друг от друга, смысл всех этих речей сводился к одному: если один член церкви заболел, то заболела вся церковь, и единственная возможность для заболевшей церкви выздороветь – это отрубить заражённый член. По голосу проповедника было понятно, что сегодня он был воодушевлен, как никогда. Его речь была наполнена горячими эмоциями, он говорил с жаром, искренне веря в каждое произнесенное им слово. По словам епископа Адель поняла, что сегодня судили молодую девушку, – такую же, как и она, которую обвиняли в многочисленных преступлениях против церкви и упрекали во множестве грехов. Она и еретичка, и ведьма, и блудница, и раскольница, и много чего ещё. Проповедник говорил долго, то приглушая свой голос, а то вдруг начиная почти кричать, а затем снова опускаясь практически до шепота, но тишина

была такая, что слышно было каждое слово, сказано ли оно было громко, или очень-очень тихо. Ну вот наконец проповедь закончена. Зловещую тишину сменил лёгкий гул, который на несколько минут пролетел над людской толпой, но он также внезапно снова сменился тишиной. Раздался уже голос другого человека, который читал медленно, отчётливо произнося каждое слово, монотонно, безо всяких эмоций и ненужной горячности. Он читал приговор. На этот раз много времени не понадобилось, как на чтение проповеди. Всё чтение приговора заняло не более двух минут. Подсудимую ждала неминуемая смерть. По звукам, долетающим в окошко её камеры, Адель поняла, что все формальности соблюдены и скоро начнётся самое ужасное. Девушке хотелось то выглянуть во двор и во что бы то ни стало посмотреть, что там происходит, то наоборот, зажмуриться и заткнуть чем-нибудь уши крепко-накрепко, чтобы ничего не слышать и не видеть. Но вот вдруг толпа горожан внезапно взревела, как по команде какого-то невидимого дирижёра, и то тут, то там стали слышны выкрики:

– Ведьма! Смерть ведьме! Гори в аду, мерзкая тварь! – и тому подобные возгласы. По этим крикам Адель поняла, что казнь начинается. Судя по всему, ведьму повели на эшафот....

Когда Адель была ещё подростком, папа и мама часто водили её смотреть на такие зрелища, поэтому всё, что происходило сейчас, она хоть и не видела, но представляла себе во

всех подробностях. Она помнила этот эшафот, потому что в её детстве и в юности казни еретиков были одним из самых ярких её воспоминаний; только не думала она, что скоро придётся взойти на него и ей самой... Эшафот был очень высоким. Он сделан из камня, а вокруг штабелями уложены дрова. Посреди эшафота – столб, на котором висит табличка с надписью. Обычно там написано имя того, кого казнят, с перечислением всех его грехов перед церковью. Рёв толпы становился всё громче и громче. Адель почувствовала запах горящих поленьев, из чего поняла, что казнь началась. Дыму было не так много, но она смогла увидеть его в маленькое окошко камеры. Вдруг к запаху горящих поленьев добавился ещё один – тошнотворный сладкий запах горящего человеческого тела, так хорошо знакомый с детства людям той эпохи... Толпа неистовствовала. Адели даже на одно мгновение показалось, что она услышала крик горящей на костре ведьмы, который был так ужасен, что на секунду заглушил рев толпы.

Но вот крики стали постепенно стихать. Казнь подходила к концу, и народ стал расходиться, удовлетворённый страшным, но таким притягательным зрелищем. Как же можно было объяснить то, что люди ходили смотреть на это по много раз, не в силах от этого отказаться? За то время, пока Адель томилась в заключении, она много раз слышала, как сжигают людей на костре, но каждый раз умирала от ужаса, вновь и вновь прислушиваясь к каждому звуку, доносящемуся с

площади во время казни.

* * * * *

Совсем недавно Адель, симпатичная восемнадцатилетняя девушка, была весёлой и жизнерадостной. Жила она в небольшом городке средневековой Европы, как и большинство ее подруг, рано начала работать, а в редкие свободные деньки развлекалась со своими сверстницами, и, так же, как они, мечтала о прекрасном принце, который в один солнечный день появится на белом коне, возьмет ее на руки, и увезет в свой чудесный замок. Однако всё случилось совсем не так, как она себе представляла, и в одно мгновение её мечты разбились на мелкие осколки. У Адель были красивые рыжие волосы, которыми она гордилась с детства, и к восемнадцати годам они стали очень длинными, шелковистыми и мягкими. Однако иметь такие волосы женщине в те времена было равносильно смертному приговору. Считалось, что женщина с рыжими волосами почти наверняка является ведьмой. Следует заметить, что в средние века поводов, чтобы заподозрить женщину в связях с дьяволом, было предостаточно. Например, достаточно было того, чтобы женщина имела на теле родинки или родимые пятна, или если она нелюдимая, неразговорчивая, живёт одна, или наоборот, неразборчива в связях с мужчинами, живёт с ними вне брака и много чего ещё. Если женщина нарушила любое правило из Библии – значит, она заключила договор с дьяволом. В общем, в те страшные времена достаточно было просто ро-

диться женщиной, чтобы в один прекрасный день тебя объявили ведьмой, поскольку считалось, что женщина – существо гораздо более греховное, чем мужчина.

Вот так же не повезло и Адели. Однажды, в обычный солнечный воскресный день, не предвещавший никакой беды, шла она с подругами по рынку, весело хохоча и болтая с девочками обо всём на свете, как вдруг какой-то мужчина в толпе, увидев её, с ужасом закричал на весь рынок, показывая на Адель пальцем:

– Смотрите, – это ведьма, ведьма! Хватайте её, люди, не дайте ей уйти!

Не успела Адель опомниться и сообразить что к чему, как несколько мужчин в мгновение ока схватили её и повалили на землю. Кто-то крикнул:

– Дайте веревку, вяжите эту тварь! Попалась, проклятая гадина!

Тут же откуда-то появилась верёвка. И Адель через минуту была крепко связана так, что не могла даже пошевелить руками, привязанными к её туловищу. Люди вокруг, мгновением раньше весёлые и доброжелательные, превратились в злобных существ, которые с ненавистью выкрикивали проклятья в адрес Адели, перемежаяющиеся нецензурной бранью и плевками в её сторону. Подруги девушки, сразу почуяв смертельную угрозу, мгновенно испарились в толпе, бросив её одну на произвол судьбы перед разъяренными людьми, которые продолжали выкрикивать проклятия и ругательства.

Кто-то крикнул из толпы:

– Ведите эту тварь в тюрьму!

И толпа одобрительно зашумела. Девушку схватили со всех сторон и повели по узким извилистым улицам к тюрьме, печально известной каждому жителю города, и не только потому, что все жители хотя бы раз ходили на площадь посмотреть, как казнят еретиков и ведьм, но и потому, что у многих горожан были сожжены и повешены кто-то из родственников – дочери, сёстры, жёны и матери, так же как и Адель, схваченные на улице, а потом приговоренные к смерти за преступления, которые они не совершали...

Адель, плача, просила людей отпустить её, говорила, что она не ведьма, что ни в чём не виновата, но это было бесполезно, наоборот, только раззадоривало толпу, и злоба этой толпы становилась от этого всё больше и больше. До площади, на которой находилась тюрьма, было не более получаса ходьбы, но Адели этот путь показался бесконечным, как будто она уже полдня в дороге, так тяжелы были для неё эти два с небольшим километра до места, куда вела ее злая и разгорячённая толпа.

Ну вот, наконец, узкая извилистая улочка закончилась, и толпа народа вышла на площадь, с левой стороны которой стояло мрачное трехэтажное здание, знакомое каждому жителю города, который обычно обходил его стороной, и если вдруг горожанину надо было по каким-то своим делам пройти через площадь, он старался обойти её по находящимся

рядом с ней улочкам, только бы не идти по этому месту, которое видело и помнило столько боли, мучений и страданий.

Толпа, к этому времени уже состоявшая человек из ста, не меньше, подошла к воротам тюрьмы. Кто-то крикнул:

– Открывайте, поймали ведьму!

Адель понимала, что если сейчас войдет туда, то живой обратно уже не выйдет. Никто никогда не выходил оттуда живым. Она сделала еще одну попытку уговорить людей отпустить ее, но всё было тщетно... Как только она встречалась глазами с кем-нибудь из толпы, человек сразу отводил взор в сторону. Бесплезно было пытаться пробиться через эту стену людской ненависти и одновременно страха. Наконец, железная дверь со скрежетом отворилась, и оттуда появился заспанный тюремщик:

– Чего разорались в воскресенье, мерзавцы, или хотите зайти в гости, – недовольно пробурчал служитель. – Даже в выходной от вас покоя нет!

– Ведьму поймали, господин, – сказал кто-то из толпы.

– А, ну это совсем другое дело! Показывайте вашу ведьму!

Адель схватили двое мужчин и вывели её из толпы, поставив связанную девушку напротив тюремщика.

– Вот она, господин!

– А почему вы решили, что она ведьма? Как вы так сразу и определили? А вдруг она совсем и не ведьма, а честная, порядочная барышня? Схватили невинную девушку, приволокли её сюда, да ещё и меня разбудили в воскресный день? –

спросил народ тюремщик, но было видно, что он говорит это не всерьёз. – Ладно уж, заберу её, – не зря же вы тащили её сюда через весь город! А вообще вы молодцы, хвалю за бдительность! Бог вознаградит вас за усердие, ну а теперь ступайте с миром.

С этими словами тюремщик позвал ещё двух человек, которые, крепко схватив Адель с двух сторон, повели её во двор тюрьмы. Железная дверь с таким же ужасным скрежетом закрылась и народ стал быстро расходиться.

Так в одночасье более или менее сносная жизнь Адели превратилась в страшный кошмар. Её бросили в эту холодную и сырую камеру, где она пребывала уже около двух недель, не имея возможности повидать своих родителей и сестер, подвергаясь каждодневным издевательствам, недосыпая и недоедая. Но страшнее всего были пытки. В те времена мало было взять и просто так признаться в связях с дьяволом, колдовстве или ереси. Считалось, что признание должно быть получено только под пыткой, и даже если женщина из-за страха перед святой инквизицией сама сразу же признавалась во всех грехах, в которых её обвиняли, это считалось недостаточным. Её всё равно пытали, сознавалась она или нет. А уж по части пыток святая инквизиция была очень изобретательной. Было придумано множество орудий пыток, приносивших жертвам ужасные мучения. До нашего времени дошли такие орудия пыток, как "железная дева", "испанский осёл", "испанский сапог", "стул инквизиции", кол, ды-

ба, жаровня, и многие-многие другие, от одного взгляда на которые ты холодеешь от ужаса. Адели ещё повезло потому, что сразу после того, как её схватили на базаре, приволокли в тюрьму и бросили в камеру, она сильно простудилась, потому что по ночам в камере было невероятно холодно, и святые отцы отказались от пыток, боясь того, что девушка была очень слабой и могла умереть, и, не выдержав жестокой пытки, могла не дожить до казни. Несмотря на то, что девушка была очень больна, её всё равно постоянно водили на допросы, на которых требовали сознаться в том, что она была в отношениях с самим дьяволом, что она еретичка и колдунья, но Адель не признавалась. Как она могла признаться в том, чего не совершала? Ведь родители всегда учили её говорить только правду. Но однажды святые отцы, потеряв терпение, привели её в пыточную комнату, где один из служителей показал ей многие из орудий пыток, неторопливо и обстоятельно рассказав о некоторых них, подробно описав их устройство и принцип действия. И вот тут Адель не выдержала и созналась во всём, в чём её обвиняли. Она была всего лишь молодой девушкой, а в те времена в инквизиторских застенках мало кто выдерживал пытки. Почти все сознавались в тех преступлениях, которые не совершали. Хотя доподлинно известно, что были и такие, которые пройдя через все мучения, оставались твёрдыми и не признавали своей вины. После признания Адель поняла, что всё кончено. Ей больше не на что и не на кого надеяться. Ее ждет немилосердная казнь.

нуемая ужасная смерть. Больше всего на свете она боялась костра и была уверена, что более страшной казни, чем эта не существует. Она была готова на любую другую, пусть лучше её повесят или отрубят топором голову, но только чтобы это был не костёр! Тем более, что она сама с детства много раз видела подобные казни и знала, как это ужасно. В душе у неё всё-таки теплилась надежда, что её не сожгут, хотя в глубине души она понимала, что скорее всего именно это её и ждёт. Никто из осуждённых никогда не знал, в какой именно день его казнят, и это было ещё более мучительно, что каждый день может стать последним днем жизни. Так и Адель, после того, как она созналась во всех грехах, она находилась в камере, постоянно вздрагивая от любого шума в тюремном коридоре, и как только по коридору раздавались чьи-нибудь шаги, она замирала от ужаса, думая, что это идут за ней, но вот уже несколько дней, как ее никто не тревожит. Её не водят на допросы, и только раз в день приносят скудную еду и питье. Так и сегодня, в обед на площади перед тюрьмой состоялась казнь, которая совершалась почти каждый день, поскольку святая инквизиция работала без выходных, а работы у неё в те мрачные времена было очень много, и вот скоро ей должны были принести долгожданный обед, если кусок хлеба и миску похлебки можно было назвать таковым. Немного успокоившись после казни, которую она слышала только что от начала и до конца, не имея возможности видеть её, но зато представляя всё происходящее в мельчайших

подробностях, она с нетерпением стала ждать обеда. Через некоторое время по коридору раздались шаги, заскрипел за-сов, и железная дверь с лязгом распахнулась. На пороге стоял служитель, который поставил на пол миску с похлебкой и положил рядом маленький кусочек черствого хлеба.

– Ну что, ведьма, радуйся! У меня есть для тебя хорошая новость! Завтра ты наконец встретишься с дьяволом, кому ты так ревностно и верно служишь! Костер ждёт тебя! Ты рада?

И недобро рассмеявшись, он вышел из камеры, с лязгом захлопнул за собой дверь. Свет померк в глазах Адели, она как будто окаменела, сидя на холодной лавке, не в силах пошевелиться. Страх полностью сковал её тело. Теперь она знала уже точно, – жить ей осталось чуть меньше суток. Прошло уже полчаса, как служитель ушел, а она за это время так ни разу и не пошевелилась. Не было слез в её глазах, она не кричала, не билась в истерике, она просто спокойно сидела на холодном камне, как будто кто-то отсоединил её тело от головы. Голова всё соображала, в ней не было ни страха, ни отчаяния, ни обиды, а тело перестало слушаться. Она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, только почему-то в голове крутилась одна и та же мысль. В её в комнате, в горшке стоял маленький цветок, и она подумала о том, кто же его будет теперь поливать, ведь он может без неё засохнуть. И только эта мысль сейчас занимала её больше всего на свете.

Прошло ещё немного времени, и Адель постепенно стала

приходить в себя. Оцепенение постепенно отпускало её, и ему на смену пришло что-то другое, никогда ранее неизведанное ощущение. Конечно, девушка ещё за несколько дней до этого где-то в глубине души прекрасно понимала что её ждет неминуемая смерть, и она не раз представляла себя те чувства, которые ей придётся испытать после того, как она узнает про вынесенный ей рано или поздно смертный приговор, но то, что она почувствовала, никак не ожидала ощутить. Она думала, что будет кричать, плакать, биться в истерике, но, к её удивлению, ничего такого не произошло. Странно, но, но первым её чувством было невероятное облегчение, как будто камень упал с души. Сказалось страшное напряжение последних двух недель, невероятные страдания, физические и еще более душевные, холод, голод, безысходность и отчаяние. И вот всё это закончилось. Её больше не будут мучить изнуряющими допросами, не будут морить голодом, по несколько раз будить по ночам и не давать спать, — ничего этого больше не будет. Осталось только одна ночь, всего лишь одна ночь, и все страдания закончатся раз и навсегда. Однако кроме странного спокойствия, появились и другие, неизведанные ранее чувства. Было такое ощущение, как будто Адель долгое время находилась в темном и тесном гробу, где было темно, никаких звуков, и невозможно было даже пошевелиться. Полная тьма, тишина и неподвижность. Ну вот Адель освободили из этого гроба, и она после долгого заточения снова увидела белый свет с его яркими

красками, запахами и разнообразными звуками. И вот вдруг девушка почувствовала этот мир во всей его красе. И хотя мир её был сжат до размера маленькой тюремной камеры, она с невероятной силой почувствовала всё многообразие и яркость этого мира. Она стала замечать такие мелочи, которые никогда раньше и не замечала. Адель начала жадно вдыхать свежий холодный воздух, с удовольствием и радостью глядя в маленькое окошко под потолком, в которое был виден маленький кусочек голубого неба. Как же это она раньше не замечала, что небо такое красивое? И вдруг, о чудо! В окошко заглянуло солнце, и яркий солнечный лучик упал на серую каменную стену. Она подставила под него своё лицо, и, сладко зажмурившись, с наслаждением ощущала его тепло на своей коже. А как же ей теперь стало нравиться своё собственное тело! Она с удивлением рассматривала свои руки, стёртые до крови железными тяжёлыми кандалами, свои ноги, гладкую кожу и длинные рыжие волосы, такие мягкие и красивые. Она рассматривала как шевелятся её пальцы на руках и ногах, и только сейчас задумалась о том, как она одной мыслью может заставить их делать всё что угодно. Воистину, каждый человек, который хотя бы раз побывал в такой ситуации, несомненно, намного больше ощущает и ценит всю полноту жизни, во всех, даже в самых незначительных ее проявлениях, и не пытается, как некоторые, добровольно расстаться с нею из-за пустяка, не рискует ею понапрасну, ценит жизнь как свою, так и чужую, и не тратит ее

попусту, а использует каждый день, каждый час, каждую секунду этого великого чуда, которое подарила нам природа и не страдает из-за разных пустяков и мелочей, вроде недостатка денег или потерянного зонтика. На этом новые ощущения Адель не исчерпались. Кроме того, что она по-новому стала воспринимать окружающий мир и себя в нём, она совсем по-другому стала ощущать время. Совсем недавно время тянулось страшно медленно, и каждый день казался бесконечным. Постоянные допросы тянулись бесконечно долго, и от того, что Адель всё время желала, чтобы допрос поскорее закончился, от этого он продолжался еще дольше. А эти бесконечно длинные, тоскливые и мучительные ночи, во время которых очень хотелось спать, но в камере было так холодно, а стёртые запястья рук так сильно болели, что никогда не удавалось поспать хотя бы несколько часов. Да и на холодном и твердом камне особенно и не поспишь. От этого ночи казались бесконечно длинными, да и завершение ночи не приносило для девушки хоть малейшего облегчения. А теперь ощущение времени стало совсем другим. Нельзя сказать что оно тянулось, или наоборот, бежало слишком быстро. Не то, и ни другое. Она как бы физически, всей кожей стала ощущать каждую прожитую секунду. В эти последние часы жизни, после того, как она узнала, что умрет, и даже знала, когда это случится, Адель насколько полно стала ощущать окружающий её мир, что даже время как бы замедлилось. Не в прямом смысле замедлилось, просто за тот же ко-

роткий промежуток времени она стала чувствовать намного больше, чем раньше. Это можно сравнить, наверное, с тем, как разные люди ощущают время по прошествии, например, одного дня. Для человека, просидевшего в маленькой комнате, по прошествии дня и вспомнить будет нечего, а для человека, проводившего один день на отдыхе на тропическом острове, например, этот день запомнится совсем по-другому, потому что он был необычайно насыщен многочисленными событиями. Так же и с Адель. Раньше для неё день был ничем не запоминающимся и ничем не примечательным, а теперь, зная, что это последний её день, он стал для неё ярким и желанным, и каждое маленькое событие для неё, – такое, как пробивающийся в камеру лучик света, или кусочек синего неба в окошке, – наполняло каждую минуту, каждую секунду этого дня огромным смыслом...

* * * * *

День близился к концу. Чувства Адели менялись, как в калейдоскопе. На смену облегчению, и пришедшему после этого возбуждению, на девушку нахлынула апатия и сильная усталость. В изнеможении она опустилась на холодный пол. Вдруг Адель услышала шаги в коридоре, но не обратила на них внимания, потому что еду ей уже принесли, а казней в это время не проводили. На допрос её уже не поведут, так что можно не обращать внимания на эти шаги, – это идет не по её душу. Хотя Адель всё это и понимала, но по привычке внутри вся сжалась и оцепенела от страха. Мало ли чего, а

вдруг это всё-таки за ней? Она надеялась на чудо, что человек пройдет мимо её камеры, но чуда не произошло. В двери заскрежетал замок, дверь распахнулась, и на пороге возник надсмотрщик по имени Бернард. Адель знала Бернарда с детства, они постоянно бегали и играли вместе, а теперь она стала заключённой этой тюрьмы, а он служил здесь надсмотрщиком и часто водил её на допросы. Бернард хорошо относился к Адели, и в глубине души понимал, что она никакая не ведьма, как и многие из тех женщин, которых ему довелось отводить на пытки и казни, но такие мысли лучше всего было держать при себе, а то в один прекрасный день самого могут признать еретиком и отправить на костёр. В руках у Бернарда был поднос, на котором лежало что-то съестное, от запаха которого у Адели с непривычки закружилась голова.

– Здравствуй, Адель! Ну как ты? – негромко спросил Бернард. – Это тебе! Тут мясо, картошка и вино. Поешь хоть нормально, а то завтра... – Бернард запнулся и опустил глаза.

– Да я знаю, Бернард, всё нормально! А тебя не накажут за то, что ты мне всё это принес? – спросила Адель.

– Нет, не волнуйся, никого нет в тюрьме из начальства, – ответил Бернард.

– Я могу что-нибудь сделать для тебя напоследок? – спросил он.

– Да нет, спасибо, мне ничего не нужно, всё у меня есть, жизнью довольна! – невесело пошутила Адель, и улыбка на

секунду появилась на её губах. – Хотя нет, подожди. Есть одно дело. Не мог бы ты как-нибудь передать моим близким, что завтра моя казнь? Если скажешь "нет", я не обижусь.

– Я попробую. Но не обещаю. Если удастся вечером вырваться, то, конечно же, обязательно передам!

– Спасибо тебе, Бернард! Ты всегда ко мне хорошо относился. Я так часто тебя о чём-то просила, но теперь, обещаю, это последняя моя просьба!

Бернард поставил на стол поднос с едой, и посмотрев в коридор, не идёт ли кто, подошел к девушке. Адель подошла к нему, крепко прижалась, и обняла за шею. Слёзы потекли из её глаз ручьем.

– А помнишь, как мы один раз в детстве сбежали от родителей на речку купаться? – Сквозь слёзы спросила она. – Может, и сейчас попробуем?

– Нет, милая Адель, на этот раз не получится.

– А ты бы хотел?

– Конечно, я бы даже отдал за это свою жизнь! Только вот никто не возьмёт, – опять невесело пошутил юноша. – Ну, мне пора, а то если увидит кто, то беда будет. Прощай, Адель, и да поможет тебе Бог! Я не верю, что ты ведьма, и никогда не поверю в это. Ты всегда была самой лучшей для меня. Если бы я только мог спасти тебя!

Крепко поцеловав девушку на прощание, Бернард быстро вышел. Дверь захлопнулась, заскрежетал замок, и шаги стали быстро удаляться по коридору, наступила полная тиши-

на. Адель опять осталась совсем одна...

Бернард ушёл, и на смену апатии пришла страшная тоска. В суматохе последних часов она не так уж часто думала о своих близких, а тут увидела Бернарда и тоска по родным – матери, отцу, сестрам нахлынула на неё с новой силой. Как же она соскучилась по ним! Она не видела их всего две недели, а кажется, что прошла целая жизнь. Так круто всё переменялось за эти две недели. Слезы вновь потекли из глаз Адели. Кажется, вот только сейчас она с отчетливостью поняла, что всё кончено. Как же не хочется умирать, ведь ей всего восемнадцать лет! И сделать ничего нельзя. Нет надежды... Никто не поможет, даже Бог, которому она так усердно молилась все эти годы. И он тоже отвернулся от неё, как же он может допустить такое, ведь она так верна ему, так надеялась на него. Почему же он ничего не делает для её спасения? Почему он забыл про неё? Уж ему-то точно известно, что никакая она не ведьма, что она всегда любила его, и вот в тот момент, когда ей так нужна его помощь, он молчит? Почему???

В камере постепенно становилось всё темнее и темнее. Наступил вечер. Адель вдруг вспомнила про поднос с едой, который принёс ей Бернард, и ей страшно захотелось есть. Взяв поднос со стола и поставив его к себе на колени, она стала с жадностью поглощать мясо, хлеб и сыр, запивая его вином. Она была еще слишком молода, чтобы пить вино, поэтому до этого дня почти его и не пробовала, но теперь-то уж

какая разница? Мама её не поругает больше. Спасибо Бернарду, что принес ей поесть и попить, а то было бы совсем неспособно. После того, как Адель всё съела и выпила, ей стало немного полегче. Алкоголь понемногу ослабил внутреннее напряжение, и даже согрел ее изнутри. По телу растеклось приятное тепло, слёзы перестали течь у неё из глаз. Она снова присела на холодный пол, прислонившись спиной к каменной стене. Закрыв глаза, она долго сидела, не шевелясь, и ни о чём не думая, и даже не заметила, как наступила ночь. Последняя ночь в её жизни... Несмотря на выпитое вино, спать совершенно не хотелось. Адель открыла глаза. В камере была кромешная тьма, и только наверху, в окошке под потолком, ярко светили звёзды. Ночь сегодня выдалась на редкость ясной и тихой. Ни шума, ни шороха, ни единого звука. Тёплая летняя ночь. В такую ночь хорошо гулять с каким-нибудь молодым юношей вдоль берега реки, вдыхая аромат пряных трав, а потом лечь рядом в густую траву, и, взявшись за руки, долго неподвижно лежать с открытыми глазами, глядя в небо, всё усеянное звездами, и ни о чём не думать. Как же ей этого хотелось! А ведь это было, и было совсем недавно! Как же могло произойти с ней это страшное несчастье, и почему именно с ней? Её родные, наверное, сейчас поужинали и ложатся спать. Мама, как всегда, ворчит на отца, сёстры занимаются рукоделием при свете лучины. Удалось ли Бернарду передать им весточку о ней, или нет? Как бы ей хотелось, чтобы они пришли на площадь и

увидели её перед казнью! Ей было бы немного легче пережить этот ужас, если бы они были рядом. Она их, конечно, не увидит в этой огромной толпе, но они её увидят точно, где бы они не стояли. Эшафот высокий, видно будет отовсюду. Адель и сама не заметила, как от обильной еды и выпитого вина задремала, также сидя на полу, и прислонившись к стене спиной. Как ни странно, никаких ужасов и кошмарных видений у неё не было. В голове то и дело всплывали образы из далекого детства, юности, она видела своих папу и маму, своих подруг, с которыми дружила с самого детства, свою первую любовь – юношу с соседней улицы, с которым они так ни разу и не поцеловались, и много ещё чего хорошего из своей короткой жизни. Казалось, что Адель уснула лишь на несколько минут, но когда она проснулась и открыла глаза, то поняла, что уже давно наступило утро, и камера была залита ярким светом. Ужас сковал тело Адель, она поняла, что до её казни осталось совсем немного времени, и с минуты на минуту за ней придут... Что же она натворила, она потратила последние драгоценные часы своей жизни на сон??? И вдруг она услышала этот страшный звук, который слышала до этого уже много раз: звук, которые издавали метла в руках работников, что говорило о том, что они уже начали подметать каменные плиты площади, и что до её казни осталось не более двух часов. Как же она могла так уснуть? Всеми виной была вино, который принес Бернард. Но откуда она могла знать, что заснёт и проспит всю ночь? Теперь уже

ничего не изменить. Время назад не вернешь. Потянулись страшные минуты ожидания. Она прислушивалась к каждому шороху, каждому звуку, доносящемуся из коридора, но там было тихо. Наверное, за все те две недели, проведенные здесь, не было минут более страшных и ужасных, чем эти томительные минуты ожидания. Как бы ей сейчас хотелось превратиться в маленькую птичку и вылететь в узкое окно под потолком, взлететь высоко-высоко, выше, чем самый высокий эшафот, и никакой огонь не достанет её, а потом лететь и лететь, не останавливаясь ни на секунду, подальше от этих страшных мест, – туда, где нет костров инквизиции, где нет "железных дев" и "испанских ослов", туда, где люди не убивают друг друга без вины, а помогают друг другу, и любят друг друга. Ведь должно же быть на земле хотя бы одно такое место??? Теперь ей уже не суждено было об этом узнать. Адель лежала на полу лицом вниз, крепко закрыв уши руками. Больше всего на свете она боялась услышать шаги по коридору, и поэтому стала даже тихонько напевать, чтобы не слышать ничего вокруг. Она зажимала уши руками всё крепче и крепче, пела всё громче и громче, и пение её постепенно перешло в крик... Лишь бы только не слышать этих проклятых шагов по коридору, шагов самой смерти! Только бы не слышать, только бы не слышать! Она продолжала зажимать уши и кричать даже после того, как почувствовала, что кто-то толкнул её в плечо. За ней пришли. Кто-то схватил её за руки и отнял руки от ушей со словами:

– Хватит орать, ведьма, это не поможет! Пойдём, костёр ждёт тебя!

Адели на мгновение показалось, что вместе с несколькими монахами сама Смерть зашла к ней в камеру, и она впервые так отчётливо почувствовала рядом с собой ее холодное дыхание. Никогда еще она не ощущала смерть так близко. Было около одиннадцати часов утра, когда Адель последний раз вывели из камеры и медленно повели по широкому тюремному коридору. Она шла еле-еле, с трудом волоча ноги, и служникам приходилось то и дело поддерживать её, чтобы она не упала. Девушка дала волю своим чувствам, и слёзы, не переставая, текли из её глаз. Смерть была так близка, что это приводило её в неопиcуемый ужас. Осмотрев сопровождающих её монахов, она не увидела среди них Бернарда. Как жаль, что его здесь нет! Ей было бы не так страшно. Предупредил ли он её семью, или нет? Сейчас только эта мысль мучила её больше всего. И вот, наконец, Адель со своими конвоирами вышла из мрачного темного здания тюрьмы на улицу. Адель уже две недели не выходила на свежий воздух, поэтому у неё сразу закружилась голова, и она чуть не упала, но её быстро подхватили под руки и удержали на ногах. Наконец-то она вышла на улицу! Как же она мечтала об этом все эти дни, глядя в маленькое оконце в своей мрачной камере. И вот её мечта сбылась. После долгого сидения в темной камере солнечный свет поначалу ослепил её, и она ненадолго потеряла способность вообще что-нибудь увидеть. Но очень

скоро глаза привыкли к яркому солнечному свету, и Адель увидела перед собой ту самую площадь, которую в последние две недели могла только слышать. Большая площадь постепенно наполнялась народом, который еще раз пришёл посмотреть на свое любимое развлечение – сожжение ведьмы на костре. Посреди площади возвышался тот самый эшафот, так хорошо знакомый Адели с детства. Недалеко от эшафота возвышалось еще одно строение. Это деревянный помост, на который перед казнью поднимутся святые отцы, и с которого проповедник будет читать свою речь. Был еще один помост, на который Адель возведут перед казнью, и на котором она будет слушать обличительную речь проповедника, а затем и приговор. Вот к этому помосту Адель и повели сквозь пока ещё малочисленную толпу народа. Девушка вглядывалась в лица людей, надеясь увидеть среди них мать и отца, но их нигде не было видно. Наверное, Бернард не смог предупредить их о казни. А ей так нужна сейчас их поддержка! Ей было бы немного легче, зная, что они здесь на площади, что они рядом. Ну вот Адель наконец-то довели до помоста, куда она поднялась с помощью двух крепких монахов. Он был достаточно высоким, и девушка снова и снова оглядывалась по сторонам, не теряя надежды увидеть родителей, но всё было тщетно. Она никак не могла их найти... И здесь ей не повезло, – наверное, бог совсем отвернулся от неё. И вот появились самые главные персонажи – монсеньор епископ и проповедник, который будет читать проповедь перед

тем, как подсудимой огласят приговор. Этого проповедника Адель слышала уже много раз, сидя в камере, и все его речи выучила почти наизусть. Его проповеди не отличались разнообразием, так было и в этот раз. Не ожидая услышать что-нибудь новое, она смотрела в чистое голубое небо, щурясь от яркого солнца, жадно вдыхая свежий воздух и наслаждаясь последними минутами жизни. Потеряв надежду увидеть своих родителей, она перестала смотреть по сторонам. Слезы Адели высохли. Что-то произошло у неё в душе. Она так долго боялась, что, наверное, исчерпала весь свой запас страха как раз перед самой казнью, и теперь просто стояла и смотрела в небо, ничего больше не видя и не слыша, кроме синего-синего неба у неё над головой, такого обычного и одновременно такого прекрасного. Но вдруг толпа, до этого стоящая молча, не проронив ни слова, стала недовольно рокотать. Адель понемногу начала возвращаться в реальность, и вдруг поняла, почему толпа зашевелилась. С севера откуда не возьмись показали облака, которые с каждой минутой становились всё темнее и темнее, и вот уже всё небо заволокли тучи, хотя ветра и не было совершенно. Народ недовольно зашумел. Проповедник быстро закончил свою проповедь словами: "Иди с миром, Адель! Ты лишена защиты церкви!" И уступил место епископу, который начал зачитывать приговор. Суть его была проста. Церковь никогда сама не проливали крови. Её задачей в те времена было употребить все усилия, чтобы вернуть еретика в лоно церкви, но ес-

ли он упорствовал, то церкви он больше не был нужен. Церковь была вынуждена объявить его еретиком и лишить своего покровительства, то есть отлучить от церкви. Таким образом, приговоры обычно заканчивались примерно одинаково – в них говорилось, что святая инквизиция отлучает подсудимого от церкви и отдает еретика в руки светской власти, прося её, однако, действовать как можно мягче и избавить его от смерти. Казнить еретика имела право только светская власть, но не церковь. Епископ говорил быстро, надеясь провести казнь как можно скорее, и последнюю фразу из приговора Адель расслышала хорошо:

– Мы просим передать еретичку в руки светских властей, прося их, тем не менее, действовать как можно мягче и сохранить ей жизнь.

Эта издевательская формулировка означала, что Адель будет сожжена на костре. Епископ махнул рукой, показывая, что приговор оглашен и можно начинать. На помост, где находилась Адель, снова забрались двое монахов, схватили девушку и стащили её вниз, после чего повели через толпу к главному эшафоту, подняли её наверх, где передали в руки палача. Пока палач привязывал Адель к столбу, она лихорадочно продолжала искать в толпе своих отца и мать, до самого конца не теряя надежды всё-таки увидеть их. Где-то совсем рядом сверкнула молния, и загрохотал гром. Палач очень торопился, и от этого никак не мог справиться с верёвкой. Наконец, Адель была крепко привязана к столбу. В

руках у палача появился факел, который он тщетно пытался разжечь, и Адель от ужаса закрыла глаза.

И вдруг у ревущей от возбуждения толпе она услышала крик, от которого весь страх мгновенно исчез. Она быстро открыла глаза.

– Адель, дочь моя, я здесь!

Это была её мать. Девушка вглядывалась в беснующуюся толпу, но всё было тщетно. Она не видела своей матери. Разве можно было разглядеть её среди сотен кричащих людей?

– Мама, мамочка, спаси меня! – в ответ что есть мочи закричала Адель.

Палач тем временем никак не мог запалить факел, а на землю уже упали первые капли дождя. И вот наконец факел ярко запылал, и палач поднёс его к сложенной у ног Адели поленнице дров. Ещё пять минут назад дрова были сухими и загорелись бы от любой маленькой искры, но только не сейчас! Палач снова и снова тыкал горящим факелом в поленницу, но всё было тщетно. Дрова не хотели разгораться.

Кто-то в толпе крикнул:

– Смотрите, люди, Бог не хочет, чтобы ведьма умерла!

В ответ послышался другой голос:

– Это не Бог, это сам дьявол помогает ей! Теперь-то никто больше не сомневается в том, кому она служит?

Дождь ливанул с такой силой, что ни о какой казни не могло быть и речи. Факел потух, и палач посмотрел в сторону помоста, где находился епископ с проповедником, как

бы спрашивая – "чего делать-то"? Но их уже и след простыл. Махнув рукой, он, забыв про Адель, быстро спустился с эшафота и исчез в толпе. Толпа за считанные минуты разбежалась, и скоро на площади под проливным дождем остались стоять всего лишь два человека. Они стояли, не шевелясь, и смотрели на Адель. Никакой дождь, никакой ураган или смерч не смог бы их заставить уйти. Они стояли и смотрели на девушку, и плакали. Это были её отец и мать... Адель тоже плакала от радости. Бог всё-таки услышал её молитвы и помог ей! Он не оставил её! Дождь продолжался около получаса, и всё это время родители стояли и смотрели на неё, так и не сдвинувшись с места ни на дюйм. Закончился дождь и Адель увели обратно в тюрьму. Приговор был оглашен, но приведён в исполнение не был...

* * * * *

Адель была сожжена через 10 дней, 28 августа 1675 года, по новому приговору суда, согласно которому дождь, прошедший во время первой казни, был происками дьявола, и после этого уже ни у кого не оставалось сомнений в том, что она является его прислужницей.

Эпилог.

18 августа 2018 года. 343 года прошло с того самого дня, когда на город обрушился страшный ливень, подаривший

восемнадцатилетней девушке Адель ещё целых десять дней жизни. Много чего изменилось с тех пор, а кое-что осталось прежним. Здание тюрьмы по-прежнему стоит на своем старом месте, только там уже давно никакой тюрьмы, конечно, нет. Много чего было в этом здании за долгие годы, и теперь там гостиница. Не очень большая, не пять звёзд, конечно, но уютная и до сих пор стоящая крепко. Умели в те времена строить тюрьмы... Там, где раньше были тюремные камеры, теперь расположились уютные гостиничные номера. В подвале, где стояли многочисленные орудия пыток, теперь находится кухня, прачечная и другие хозяйственные помещения. Там работают люди, готовят еду, стирают, и никому из них не приходит в голову, сколько страданий, мучений, страшных душераздирающих криков видели и слышали эти стены. Конечно, люди, которые работают здесь, прекрасно знают, что было в этом здании в те далёкие лютые времена, но для них это почти ничего не значит. Они даже и представить себе не могут, что здесь происходило, и не смогут ощутить даже сотой доли тех страданий, которые выпали на долю тех людей, которые испытывали страшные мучения совершенно безвинно. Площадь тоже никуда не делась, и даже камни во многих местах остались теми же самыми. Эти камни тоже много чего видели, только, к сожалению, они ничего нам не расскажут. Последний раз на этой площади казнили еретиков сто девяносто лет назад. Уже свершилась Великая французская революция, умер Наполеон, а казни продолжались.

После казни Адели на этой площади ещё сто пятьдесят лет казнили людей, и только одному Богу известно сколько их ещё было. Тысяча, десять тысяч, а может быть, и больше?

Теперь на этой площади бьёт фонтан, стоят лавочки, на которых сидят влюбленные парочки, мамы с детьми, на клумбах растут цветы. Здесь всегда тихо и спокойно, только иногда тишину нарушает девичий смех, или веселые крики детей, и страшно представить, что здесь было еще две сотни лет назад. Но, слава Богу, эти времена ушли, и будем надеяться, ушли безвозвратно, и теперь здесь, на этой площади течёт тихая, размеренная жизнь. Вот, посмотрите, – кто это расположился там, на лавочке у фонтана? Подойдя поближе, мы увидим, что это целая семья в полном составе. Пожилые родители, их молодая дочь со своим мужем и двумя детьми. Дедушка с бабушкой отдыхают на скамейке, с удовольствием наблюдая за тем, как их маленькие внуки брызгают друг на друга водой из фонтана, а молодые папа и мама о чём-то оживлённо говорят, и мама то и дело заливается смехом, глядя, как играют у воды их дети. Красивые рыжие волосы молодой женщины развеивает лёгкий ветерок. Муж что-то сказал своей жене, и было слышно, что он назвал её по имени. Как странно, но её тоже зовут Адель! И как же хорошо, что ей не довелось пережить и маленькой доли того, что выпало пережить нашей Адели, в этот самый день, 343 года назад. Пусть у нынешней Адели и её семьи всё будет хорошо. Будем помнить о тех лютых временах, никогда не забудем невин-

ных жертв и не повторим больше никогда ошибок прошлого!

28 ноября 2018 года

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.